

Глава 26. Красный тофу

Цю Хуанянь удивленно приподнял бровь. Цзюцзю была девочкой замкнутой и тихой, и это был первый раз, когда она обратилась к нему с прямой просьбой.

— Вот как? Ну, рассказывай, Цзюцзю.

— Цуньлань говорит, что в соседнем городке через несколько дней устроят Пир в персиковом саду. Мать Цуньлань собирается взять её с собой, и мне... мне тоже очень хочется.

Опасаясь, что брат может не отпустить её, девочка поспешно добавила:

— На повозке туда ехать всего полтора часа, мы обернемся за один день.

Юноша всё понял: ребенку просто захотелось развеяться. Держать детей этого возраста взаперти — затея сомнительная. Хуанянь не верил в старинные догмы о том, что приличным девицам и гээр не след выходить за порог. Напротив, он считал, что и мальчикам, и девочкам нужно видеть мир, чтобы расти гармоничными личностями.

— Завтра я разузнаю всё поподробнее. Если всё сложится, попрошу мать Цуньлань присмотреть за тобой.

На следующий день он разыскал Е Таохун, невестку главы клана. Она была родом как раз из того городка: статная женщина с тонкими, изящными глазами-фениксами, в которых угадывались черты её дочери.

Узнав, о чем просит юноша, Е Таохун улыбнулась:

— Это, верно, Цуньлань разболтала. Понимаешь, в нашем городке жил когда-то почтенный цзюйжэнь по фамилии Сун. Несколько лет назад он оставил службу и вернулся на покой, посадив в родных краях огромный персиковый сад. Его супруга, родом из южных земель, женщина тонкая и большая любительница суеты. Каждый год, когда расцветают персики, она приглашает всех местных дам и гээр на пир в свой сад.

— Госпожа Сун проста в общении, на празднике нет строгих правил. Гости угощаются сладостями, болтают, играют в туху или мадяо — это такие игры, что завезли с юга. Тебя и научат, если не умеешь, а за победу еще и подарки ценные дают.

— Хоть я и уехала из дома давно, невестки мои о каждом таком пире напоминают. Если хочешь, чтобы Цзюцзю поехала, я возьму её под своё крыло. Скажу, что это младшая сестрица из семьи моего мужа, пусть с Цуньлань вместе развлекаются.

Хуанянь рассудил, что такая поездка пойдет сестренке на пользу, и они условились встретиться через пять дней, когда настанет время ехать на пир.

Когда он вернулся и сообщил радостную весть, личико Цзюцзю вспыхнуло от восторга. Девочка принялась кружить по комнате, лихорадочно соображая, какой узор вышить на платье к такому случаю.

Благодаря помощи Вэй Люхуа, вся семья уже обзавелась обновками.

Хлопка было вдоволь, и Цзюцзю сшила для Хуаняня длинное одеяние. Крой подсмотрели у Люхуа: такие наряды она шила для молодых господ из богатых городских семей. Приталенный силуэт, отложной воротник и узкие рукава — в этом платье юноша выглядел изысканно и в то же время подтянуто.

Из-за тяжелой работы в поле он берёт обновку, решив надеть её лишь перед поездкой в префектуру.

Цзюцзю, разумеется, тоже собиралась на пир в новом платье. Времени было достаточно, и она вознамерилась украсить наряд вышивкой, чтобы показать всё, чему научилась.

В итоге они с Цуньлань после долгих споров решили вышить на воротниках по веточке персика. Девочка взялась за иглу, а Цуньлань обещала сплести венки из красивых полевых цветов в день праздника.

Пока дети вовсю готовились к торжеству, они принялись донимать Хуаняня расспросами об игре в мадяо. В прошлой жизни он как-то снимал ролик об этой игре, поэтому без труда вырезал из остатков древесины сорок продолговатых тонких дощечек. На них он каллиграфически вывел масти: десятки, мириады, нити и монеты. Так получилась простая колода мадяо.

Эта игра была прародительницей маджонга. Четверо игроков садятся за стол, и начинается тонкий расчет и борьба умов.

Обучив ребят правилам, Хуанянь оставил их — Цзюцзю, Цуньлань, Чуньшэна и Юнькана — практиковаться в свободное время.

Мальчишки, несмотря на возраст, оказались сметливыми и быстро схватили суть. Цуньлань поначалу путалась, и ей потребовалось несколько партий, чтобы войти во вкус. Но больше всех удивила юношу Цзюцзю. Тихая девочка, стоило ей сесть за стол, превращалась в настоящего стратега. Она считала карты без единой ошибки и выигрывала восемь партий из десяти.

Е Таохун, подсмотрев за детьми, тоже увлеклась и заставила мужа, Баои, сделать ей такую же колоду. Теперь в свободные часы она собирала невесток и соседок на партию-другую.

— Вот уж мастер на все руки наш Хуа-гээр! Про мадяо я только от госпожи Сун слыхала, да никак правил не могла запомнить. А он не только играет, но и саму колоду смастерить сумел!

Пока дети предавались играм, Хуанянь взялся за дело — пора было готовить красный ферментированный тофу. Тот, что прислал Вэй Дэсин, был неплох, но юноша знал, что сможет превзойти этот вкус.

Отправившись в городок, он заказал в тофу-лавке семьи Мэн сразу пятьдесят цзиней тофу, купил три больших глиняных чана, кувшинчик рисового вина и с десяток разных пряностей. Почти всё его серебро ушло на закупки, и повозка вернулась в деревню, нагруженная доверху.

Мэн Юаньлин в недоумении чесал затылок:

— Хуа-гээр, вы что, опять пир затеваете?

Для простого обеда припасов было слишком много.

Хуанянь лишь загадочно улыбнулся:

— Не пир, а новое дело. Задумал я одну закуску на продажу готовить.

Глаза Юаньлина радостно блеснули:

— Значит, и ты заработаешь, и наш тофу будет лучше расходиться!

Он ни на миг не сомневался в успехе собеседника. В его глазах тот давно уже стал кем-то вроде юного вестника божества богатства.

— И то верно! Теперь за тофу — только к вам, — весело отозвался юноша.

Юаньлин смущенно опустил голову, пряча застенчивую улыбку и ямочки на щеках:

— Как приготовишь, дай хоть разок попробовать.

— Непременно. Первым делом тебе баночку пришлю на пробу.

Вернувшись домой, Хуанянь первым делом вымыл и ошпарил кипятком огромные плетеные подносы. После он выставил их на солнцепек: чистота в этом деле была залогом успеха.

Первым шагом в приготовлении красного тофу было созревание ферментированных кубиков. Малейшая посторонняя бактерия могла испортить всё дело — вместо деликатеса получилась бы просто гниль.

Хуанянь установил стеллажи в тенистом месте у стены, куда не заглядывало солнце. Пятьдесят цзиней тофу, предварительно пропаренного, он нарезал кубиками размером с мадяо и разложил на подносах. В теплом, хорошо проветриваемом месте началось таинство естественной ферментации.

Через три дня поверхность тофу покрылась нежным, густым белым пушком. Это означало, что грибок взялся как надо. Если бы плесень была черной или зеленой, продукт пришлось бы выбросить, но белое «одеяние» говорило о высшем качестве.

Хуанянь простерилизовал чаны. Соль, сычуаньский перец, жгучий красный перец и красный дрожжевой рис он обжарил и растер в порошок, создав основу для маринада. Бережно подхватывая каждый кубик длинными палочками, он сначала окунал его в рисовое вино, затем густо обваливал в специях и укладывал в чан.

В завершение он приготовил отвар из бадьяна, корицы и лаврового листа с добавлением имбиря и лука. Остывшую и процеженную жидкость он влил в чаны, добавил остатки рисового вина и плотно запечатал горловины.

Через неделю красный ферментированный тофу будет готов.

Чтобы сохранить рецепт в тайне, юноша при покупке пряностей намеренно исказил пропорции и набрал лишнего. Теперь даже самый любопытный соглядатай не смог бы восстановить рецептуру по списку его покупок.

В таких чанах тофу мог храниться месяцами. Два больших чана предназначались для продажи Хуан Данянь, а остатки Хуанянь разложил по небольшим баночкам — себе на еду и на подарки близким.

Односельчанам он сказывал, что рецепт этот достался ему от покойной матери, а он лишь немного его улучшил. После истории с переносом могилы в деревне Ду все знали, что Мэй Сюээр была непростого происхождения, поэтому лишних вопросов никто не задавал.

Настал день Пира в персиковом саду. Едва забрезжил рассвет, Е Таохун пришла за Цзюцзю.

Девочки выглядели чудесно в своих новых платьях с вышитыми веточками персика. В их черных волосах красовались шпильки с полевыми цветами.

Хуанянь дал сестренке мешочек гаолянъи и несколько медных монет на мелкие расходы. Осыпав её наставлениями, он долго смотрел вслед уезжающей повозке главы клана.

Солнце уже коснулось горизонта, а Цзюцзю всё не возвращалась. Юноша не на шутку встревожился. Он несколько раз бегал к дому главы клана, но там лишь разводили руками: Баои поехал за ними, но еще не объявлялся.

Когда тревога стала невыносимой, Ду Юньсэ твердо сказал:

— Поедем навстречу. Дорога там одна, не разминемся.

Родные главы клана тоже места себе не находили, так что предложение поддержали все.

Хуанянь и Юньсэ вывели повозку и на закате выехали из деревни. Через четверть часа они увидели мула Баои.

— Дядя Баои! Где Цзюцзю? — воскликнул юноша, заметив, что повозка пуста.

Баои, видя их бледные лица, не стал томить:

— Цзюцзю осталась в доме господина Суна. Моя Таохун и Цуньлань при ней. Я только на миг заскочил, чтоб вас предупредить, да сразу обратно.

Хуанянь немного выдохнул, но сердце всё еще колотилось:

— Что же там стряслось, дядя? Почему именно её оставили?

Они съехали на обочину, и Баои принялся рассказывать:

— Я и сам толком не разобрал. Там и госпожа Сун была, и молодая госпожа из её родни, обстановка — врагу не пожелаешь. Сами у Цзюцзю спросите, как увидите.

— Таохун мне шепнула, что на пиру племянница госпожи Сун, которая в гости приехала, оступилась да в реку свалилась. А Цзюцзю рядом оказалась — кинулась в воду да вытащила её.

— Одежда на ней вмиг вымокла, вот хозяйка и побоялась её на ночь глядя в дорогу пускать — не ровен час простудится. Оставила у себя, а чтоб девочка не пугалась, и мою Таохун с дочкой упростила остаться.

Баои подбодрил их:

— Не кручинься, Хуа-гээр. Госпожа Сун женщина добрая, видно, что Цзюцзю ей по сердцу пришлось. В обиду не даст. Завтра поутру поедете да заберете её.

Юноша кивнул, но тень беспокойства не исчезла. В этой истории явно было двойное дно. С чего бы взрослой барышне ни с того ни с сего в реку падать? Какую роль во всем этом сыграла сестренка? Загадок было больше, чем ответов.

На рассвете Хуанянь и Ду Юньсэ уже гнали мула в соседний городок. Баои был занят по хозяйству и попросил их забрать заодно его жену и дочь.

Почтенный Сун всей душой любил родные места. В год, когда он сдал экзамены, тогдашний судья уезда упросил его дать городку новое имя — Таохуа-чжэнь, Городок персикового цвета. Жители этим гордились, и старое название мало кто помнил.

Сам господин Сун не прошел столичные экзамены, но судьба была к нему милостива: он получил место судьи в одном из северо-западных уездов. Несколько лет назад, почувствовав груз лет, он вышел в отставку и вернулся в Персиковый городок вместе с супругой.

Их усадьба стояла в северной части города. Просторный дом занимал два му земли и был выстроен по всем правилам южной архитектуры: беленые стены, серая черепица, ажурные окна и небольшой сад. Было видно, что всё здесь устроено ради госпожи Сун, тосковавшей по южным краям.

Дом Сунов высился над остальными постройками, словно журавль среди кур. Через полтора часа пути Хуанянь увидел это величественное здание.

Он невольно засмотрелся, прикидывая, сколько же нужно трудиться, чтобы построить такую красоту. В голове сама собой родилась новая цель.

«Пусть в этом мире нет ни кондиционеров, ни интернета, ни машин, но я просто обязан жить в просторном доме, досыта есть белый рис и мясо и носить красивые одежды!»

Слуги встретили их вежливо. Ду Юньсэ остался в парадном зале беседовать с хозяином дома, а Хуаняня провели во внутренние покои к Цзюцзю.

Дети господина Суна давно обзавелись своими семьями и не поехали за родителями в глушь, так что в доме было тихо. Убранство поражало своей соразмерностью — ничего лишнего, каждая деталь на своем месте. Сразу чувствовалась рука опытной хозяйки.

В задних покоях юноша увидел госпожу Сун. Ей было за пятьдесят, но благодаря уходу она выглядела много моложе своих лет: ни одной сединки в иссиня-черных волосах, гладкая кожа. Она была хрупкого сложения, как и все южанки, и носила наряд из нежно-зеленого шелка, а лоб её украшала повязка-мо'э с крупным рубином.

Цзюцзю сидела рядом, чинно отвечая на вопросы, а госпожа Сун ласково ей улыбалась.

На напротив них сидела девушка лет пятнадцати. Тонкая, бледная, она казалась младше своих лет. Лицо её, миловидное и кроткое, было преисполнено печали, и она не поднимала глаз от пола.

Хуанянь сразу догадался, что это и есть та самая племянница, Чи Цинхэ. Он был немало удивлен. Из слов Баои он решил, что Цзюцзю спасла сверстницу, а перед ним была почти взрослая барышня.

В таком возрасте «случайно» упасть в реку — дело почти невозможное.

Заметив брата, девочка, которая до этого изо всех сил старалась вести себя как взрослая, просительно блеснула глазами, и вся её напускная важность мгновенно испарилась.

Хуанянь нежно улыбнулся ей и поприветствовал хозяйку.

— Цзюцзю мне все уши прожужжала, какой у неё братец замечательный. Вот и свиделись. Чуньшуй, подай гостю стул.

Старшая горничная принесла стул, и Хуанянь завязал с госпожой Сун обычную беседу: о полях, о сладостях, о простых деревенских заботах.

Выслушав его, госпожа Сун вздохнула:

— Хлопок — растение капризное. Воду любит, тепло — еще больше, а вот сырости и вредителей боится пуще огня. Муж мой, когда в северо-западном уезде служил, пытался его внедрить, да урожай так и не дождался. Коли ты сумеешь найти подход к этой культуре в наших краях, это будет великое дело. За такое и от государя награду получить не грех.

Годы жизни при муже-чиновнике не прошли даром: госпожа Сун видела дальше обычных крестьян. Юноша и сам думал о пользе для людей, но признание властей тоже могло сослужить добрую службу. В эти времена доброе имя открывало многие двери.

Хозяйка указала на вазочку с гаолянъи:

— Сладости эти хоть и просты, но вкус у них необычный, лесной. Мне по душе пришлись. Я велела слугам закупить их для праздника, и не знала, что это твоих рук дело.

То, что ириски добрались до Персикового городка, было заслугой Мэн Удуна. Его торговая жилка не знала покоя, и объемы продаж росли с каждым днем. Теперь он продавал больше, чем сам Хуанянь в лавке.

Юноша вежливо поблагодарил:

— Рад, что наш труд вам по вкусу пришелся.

Госпожа Сун одобрительно кивнула:

— На пиру многие дамы спрашивали, что это за лакомство да где его брать. Я велела слугам всё рассказать, так что готовься — работы у тебя прибавится.

Пир в персиковом саду хоть и считался семейным праздником, но статус господина Суна привлекал многих. Жены именитых людей уезда всеми правдами и неправдами старались попасть на этот прием. Теперь слава об ирисках Хуаняня разлетится по всему уезду Чжан.

Затем женщина перевела разговор на Цзюцзю:

— Вчера Цинхэ по неосторожности оступилась, и кабы не Цзюцзю — беде бы не миновать. Девочка мне очень полюбилась, я хотела одарить её платьями да украшениями, но она ни в какую. Твердит, мол, брат велел чужого не брать. Даже платье, что я ей вчера дала, сегодня сложила аккуратно и старое надела. Прямо не знаю, как и быть с ней. Поговори с ней, Хуагээр.

Юноша уловил подтекст: что бы ни случилось на самом деле, для всех это останется «неосторожностью». Ему и в голову не пришло докапываться до правды. Слишком велика была пропасть между их семьями, и в такие тайны лучше было не соваться.

Цзюцзю помнила наставления Ду Юньсэ и боялась брать подарки, но это лишь тревожило госпожу Сун. Лучше было принять дар и поставить на этом точку.

Хуанянь погладил сестренку по голове:

— Я признателен вам за доброту. Юньсэ растит детей в строгости и почтении к правилам, вот девочка и оробела. Прошу вас, не держите на неё зла.

Хозяйка рассмеялась:

— Какое там зло! Побольше бы таких смысленных да воспитанных детей. Я бы её хоть каждый день к себе звала — в мадяо играть! Ты ведь не знаешь: вчера на пиру Цзюцзю всех обыграла, главный приз взяла!

Видя, что юноша не против, госпожа Сун велела принести дары. Две штуки тонкого шелка: один цвета сирени, другой — нежно-розовый. К ним — набор украшений из жемчуга и позолоты для девочки, нефритовый браслет «доброй воды» и сверток с серебром — на вид там

было не меньше пяти лиан.

Хуанянь теперь понимал, почему девочка испугалась. Одно золото и шелк тянули лиан на пятнадцать — в их деревне на эти деньги можно было выстроить добротный кирпичный дом!

— Портных у меня под рукой нет, так что берите ткань — сшейте Цзюцзю то, что ей по душе будет.

Заметив, что юноша хочет возразить, госпожа Сун мягко пресекла его:

— Это долг за спасение жизни. Я, как старшая в роду, обязана отблагодарить. К тому же... вчерашнее происшествие было делом необычным, пусть эти дары станут утешением для девочки.

Слова были ясны: хозяйка понимала, что правду не скрыть, и эти дары были в том числе платой за молчание. Но в отличие от грубого Вэй Дэсина, она сделала это так тонко, что Хуанянь не почувствовал себя оскорбленным.

— В таком случае приму дары от имени сестры. Пусть лежат до поры, пока она не войдет в возраст, — он дал понять, что не собирается пускать подарки на ветер.

Улыбка госпожи Сун стала теплее. Проговорив еще немного, Хуанянь сослался на полевые работы и вежливо отказался от обеда. Слуги погрузили подарки в повозку и привели Е Таохун с дочерью.

Госпожа Сун, хоть и не жила в деревне, понимала законы людские: она встретила с юношей наедине, чтобы соседи не прознали о ценности даров. Лишняя зависть в деревне — семена большой беды.

Всё это время Чи Цинхэ сидела неподвижно, не проронив ни слова. Глаза её были полны слез, а плечи поникли под невидимой ношей.

Когда гости уехали, госпожа Сун тяжело вздохнула:

— Всё, что нужно, я передала. Теперь можешь быть спокойна.

Дары были столь щедрыми еще и потому, что в них была доля самой Цинхэ. Шелк и серебро дала хозяйка, а украшения девушка сама выбрала из своего ларца.

Цинхэ молча кивнула, и на сердце её стало чуть легче. Вчера она искала смерти, не желая обременять близких. Но когда она уже была готова погрузиться в холодные воды, она увидела маленькую девочку, плывущую к ней. Цинхэ испугалась за ребенка и невольно встала на ноги.

Так они обе и выбрались на берег.

Она не знала, благо это — остаться в живых, или нет, но долг перед маленькой спасительницей был настоящим. Приняв подарки, девочка словно вынула занозу из её души.

Госпожа Сун посмотрела на племянницу:

— Ты хотела уйти из жизни, вина себя во всем. По южным законам, если б открыли храм предков... тебя ждала бы белая лента или чаша с ядом.

Цинхэ вздрогнула, и крупные слезы покатались по её щекам.

— Но чтобы жить, тебе нужен лишь один довод.

Девушка подняла глаза, полные мольбы.

— Твои родители прошли тысячи ли, чтобы отправить тебя ко мне. Они хотели, чтобы ты жила. Неужели ты готова растоптать их любовь?

Цинхэ тихо всхлипнула.

— Я прожила долгую жизнь и видела всякое, — продолжала госпожа Сун. — То, что в юности кажется концом света, со временем рассеивается как дым. Поверь мне, в семьдесят лет ты будешь смотреть на свои девичьи печали с улыбкой.

Хозяйка поднялась:

— Подумай над моими словами. Я пойду прилягу. А служанку твою, что с юга с тобой приехала... я вольную ей дала. Пусть уходит. Вечером выберешь себе новую среди моих.

Цинхэ хотела что-то сказать, но промолчала.

В это время в дальнем углу сада горничная Чуньшуй вывела из дровяного сарая Цзао'эр — ту самую служанку Чи Цинхэ.

Цзао'эр было шестнадцать. Острый подбородок, огромные глаза и игривая мушка у губ — она была похожа на маленькую лисичку. Всю ночь она продрожала в сарае от страха и теперь, увидев Чуньшуй, принялась молить о пощаде:

— Сестрица, я не виновата! Я и знать не знала, что барышня в воду полезет! Помоги мне, замолви словечко перед хозяйкой!

Чуньшуй молча швырнула ей в лицо лист бумаги. Девушка долго смотрела на него, не веря своим глазам:

— Это... это вольная?

— Хозяйка рассудила, что нашему дому такая «птица» не по чину. Бери вольную да катись на все четыре стороны. Только больше в наш край ни ногой!

Чуньшуй сунула ей узелок:

— Тут твои пожитки да жалованье за все время. Я сама собирала, всё до последней нитки на месте. Уходи скорее, пока никто не видит.

Цзао'эр не верила своему счастью. Губы её дрогнули:

— Мне бы хоть с барышней попрощаться... Что я дома скажу?

Чуньшуй холодно усмехнулась:

— Думаешь, я твои помыслы не насквозь вижу? Родители твои на юге остались, а ты в нашей глуши век коротать не хотела. Вот и подговорила барышню в реку броситься — думала, с гробом-то тебя домой и отправят. Думала, никто не заметит? А хозяйка каждое твое слово на лету ловит!

Служанка побледнела как полотно. За такие дела её могли и к ответу призвать.

— Иди, пока жива, — бросила Чуньшуй. — Хозяйка у нас добрая, дала тебе жизнь. Но если вздумаешь языком трепать — мигом в управу пойдешь!

Цзао'эр не заставила себя ждать. Спрятав вольную за пазуху, она выскочила за ворота. В тихом месте она проверила узелок: платья, три лиана серебра, золоченая шпилька да серьги с агатом — подарки Цинхэ. Этого хватило бы, чтобы добраться до юга.

Но в душе её росла обида. Вернись она домой — как объяснит, почему бросила хозяйку? А ну как госпожа Сун в письме всю правду выложит? Да и дома она снова станет рабыней.

Сердце её забилось чаще. Она не вернется. Она добьется своего, станет богатой и знатной, и тогда и госпожа Сун, и Чи Цинхэ, и эта выскочка Чуньшуй еще поклонятся ей в ноги!

Цзао'эр наняла повозку до города. Первым делом ей нужно было дойти до управы и навсегда вычеркнуть своё имя из списков рабов.

Чуньшуй смотрела ей вслед с ледяным спокойствием. Эта комедия для барышни наконец закончилась. Если бы племянница хозяйки не была столь слепа в своей привязанности, с Цзао'эр бы не церемонились — просто сдали бы властям. Но госпожа Сун решила действовать тоньше.

Вспомнив о письме, которое уже ушло в управу, и о «случайно» оказавшихся в узелке Цзао'эр вещах хозяйки, Чуньшуй едва заметно улыбнулась.

Дома Хуанянь припрятал дары. Шелк и жемчуга были хороши, но для деревенской жизни не годились. Цзюцзю могла испортить их в работе, да и лишние толки в деревне были ни к чему.

Когда они остались одни, девочка шепотом поведала о том, что видела:

— Я выиграла в мадяо жемчужные серьги, и многие стали говорить мне обидные слова. Я расстроилась и ушла в самую глушь сада. Там, у реки, я увидела барышню Чи и её служанку. Девушка плакала, а потом вдруг прыгнула в воду. Служанка же даже руки не протянула — только отбежала подальше. Я испугалась и кинулась её спасать. А когда нас в дом привели, служанку я больше не видела.

Юноша погладил её по голове:

— Ты молодец, Цзюцзю. Но впредь помни: твоя жизнь для нас важнее всего. Что бы мы делали, случись с тобой беда?

— Я умею плавать. Чуньшэн вечно в реку лезет, вот я и выучилась, чтоб за ним присмотреть, если что. Я не просто так в воду прыгнула.

— И всё же будь осторожна. Помни поговорку: «Тонут те, кто плавать умеет».

Сестренка послушно кивнула:

— Братец, а почему госпожа Сун сказала, что она оступилась? Она же сама...

Хуанянь приложил палец к губам:

— Это чужая тайна. Держи язык за зубами и делай вид, что ничего не знаешь. Больше об этом

ни слова.

Девочка задумалась, накручивая прядь волос на палец. Она была смышленной и быстро всё поняла. Те жемчужные серьги, что она выиграла, были скромными — жемчужины не больше горошины. Брат позволил ей носить их — всё равно полдеревни знало о выигрыше.

Цзюцзю, чьи уши прокололи еще в прошлом году, впервые надела настоящие украшения. Она не могла налюбоваться собой: то и дело бегала к чану с водой, чтобы взглянуть на свое отражение, а заметив чей-то взгляд, тут же краснела и убегала.

Хуанянь подтрунивал над ней:

— Если от крохотных жемчужин ты так сияешь, то когда наденешь золото да кораллы — нам что, семь человек с зеркалами за тобой водить?

Девочка топнула ножкой и скрылась в доме, но в глубине её души уже расцветали мечты о тех прекрасных вещах, о которых сказывал брат.

Через неделю Хуанянь открыл чан с красным ферментированным тофу. Густой, пряный аромат ферментированного деликатеса мгновенно наполнил кухню. Он зачерпнул пару ярко-красных кубиков и позвал домашних пробовать.

Горячие, пышные паровые маньтоу с красным тофу — это было сочетание, которое в его прежнем мире обожал каждый студент. Разломив мягкий хлеб, он положил внутрь половинку нежной, тающей во рту закуски. Один укус — и сочетание углеводов с соленой, пряной мякотью вызвало бурю восторга.

Чуньшэн так торопился, что едва не прикусил язык. Он давился от восторга, пока сестра не подала ему ложку каши.

— Ешь неспешно, негоже так жадничать, — поправил его Юньсэ.

Мальчик притих, ища поддержки у Хуаняня. Тот со смехом заступился:

— Да ладно тебе, он же ребенок. Вкусно ведь!

— Это потому что Хуа-гээр лучше всех готовит! — воскликнул Чуньшэн.

Юньсэ лишь вздохнул. Чуньшэн довольно зажмурился, но тут же получил чувствительный

пинок под столом от сестры. Осаженный, он притих и принялся жевать как положено.

Юноша наблюдал за ними с улыбкой. В их маленьком доме выстроилась своя иерархия: дети побаивались Юньсэ, Юньсэ слушал Хуаняня, а Цзюцзю держала в узде Чуньшэна. И над всем этим безраздельно властвовал сам юноша. Истинный закон природы: на каждого хищника найдется свой укротитель.

— Ну как, мой тофу лучше того, что из города привезли? — спросил Хуанянь, выставя для сравнения банку Вэй Дэсина.

— Твой вкуснее! — в один голос ответили дети.

Юньсэ, распробовав, заключил:

— Твой нежнее, а аромат глубже. Пряности подобраны мастерски, у Вэев товар куда проще будет.

Юноша довольно кивнул. Его рецепт, отточенный годами коллективного опыта интернета, для этого времени был настоящим откровением.

— Раз так — держи еще кусочек! — он протянул Юньсэ ломтик хлеба с тофу. Тот принял угощение прямо из его рук, и теплые губы коснулись кончиков пальцев Хуаняня.

Хуанянь поспешно отвернулся, заметив, как дети во все глаза смотрят на них.

— Пойду проверю вес, — бросил он, скрываясь в кладовой.

За вычетом веса чанов, у него вышло восемьдесят цзиней готового продукта. Семьдесят он решил продать Хуан Данянь. Остатки он разложил по маленьким баночкам — вышло двенадцать штук по полцзиня на подарки, и еще немного — себе на стол.

Деревенским он сказывал, что рецепт достался ему от матери. Никто не сомневался: после истории с могилой все верили в благородное происхождение Мэй Сюэээр.

Перед обедом Хуанянь отправился к главе клана. Его сын Юньчэн вернулся из города — сдал экзамен на туншэна! В доме былолюдно, все поздравляли счастливица. Юноша вручил баночку тофу Мэн Фуюэ и увел её в сад поговорить.

— Ох, Хуа-гээр, префектура — это тебе не наш уезд! — делилась впечатлениями тётушка. —

Там на каждом шагу деньги плати. Люди все в чистом ходят, заплат не видать, у каждого третьего шелка да атласы. Еда дорогая, постоянные дворы за каждую плошку горячей воды вэнь просят. Хорошо, мы свои припасы взяли.

— Жили мы в среднем постоянном дворе, рядом с экзаменационным корпусом. Сто двадцать вэней за комнату! Переночевали — и поняли, что не потянем. Оставили Юньчэна там, а сами нашли конуру за сорок вэней. У нас в уезде за сорок вэней хоромы дадут, а там — закуток над свинарником с соломенным матом. Бедному там делать нечего, одна маета.

Хуанянь запомнил цифры и спросил:

— А семью Чжао там не видали?

— Не видали, но слышали. Они в трех кварталах отсюда комнату у людей сняли. Говорят, на два месяца аренду взяли — три лиана серебра отвалили!

Чжао решили осесть основательно. Три лиана — в их деревне это цена целого му земли! Видать, на Ду Юньцина поставили всё до последней нитки.

— Да, Хуа-гээр, — спохватилась Мэн Фуюэ. — Как поедете — берите свои одеяла. На постоянных дворах постели жесткие да сырые, не ровен час простудитесь. Юньсэ экзамен сдавать, ему силы нужны.

Юноша намотал на ус все советы. До экзамена оставалось двадцать дней, три-четыре уйдет на дорогу. Пора было собираться. Юньсэ твердил, что не стоит ехать за месяц, но и в последний день прибыть нельзя. Акклиматизация и привыкание к месту — залог успеха любого экзамена. Опыт прошлой жизни подсказывал: мелочей здесь не бывает.

На следующий день он оставил Юньсэ за книгами, а сам с двумя чанами тофу отправился в город. Хуан Энняян, едва завидев его, поручила лавку соседям и повела юношу в ресторанцию сестры.

— Я уж думала, не придешь! Еще немного — и опоздали бы!

— К чему опоздали? — удивился он, вдыхая ароматы кухни «Сяньвэй цзюй».

— Как к чему? К Испытанию ста вкусов! Наш префект — большой гурман. Каждый раз после экзаменов он устраивает пир, зовет лучших поваров и новоиспеченных сюцаев. Те пробуют блюда и стихи слагают в честь победителей. Моя сестра двенадцать лет назад на таком испытании второе место взяла, с того и поднялась.

Тут из кухни вышла Хуан Данянь. Рослая, крепкая женщина, она была воплощением жизненной силы.

— Так это ты Хуа-гээр? Ну, показывай свой товар!

— Вот видишь, сестра еще похлеще меня будет! — рассмеялась Эннян.

Хуанянь взялся за чаны, но Данян, видя его хрупкое сложение, сама подхватила их — по одному в каждую руку. В кухне юноша открыл чан. Аромат был такой, что Данян сразу зачерпнула капельку маринада.

— Вот это я понимаю — вкус! У Вэй Дэсина — так, одно название. С таким тофу я точно за призом пойду! Твой тофу пряный, богатый. Видать, специй не пожалел. Негоже мне на тебе экономить, называй цену, Хуа-гээр.

Юноша покачал головой:

— Уговорились на семьдесят вэней за цзинь — пусть так и будет. Я на перевозку не трачусь, чаны свои. А как приз возьмете — скажите всем, чей это тофу был. Вот тогда я и заработаю по-настоящему.

Данян расплатилась сразу — пять лиан серебра. Для Хуаняня это был первый столь крупный заработок. Он с удовольствием ощутил тяжесть слитков в руке. Узнав, что Юньсэ едет на экзамен, Данян одарила их пирожными в виде карпов — на удачу — и дала адрес доброй хозяйки постоялого двора в префектуре.

— Она мне как сестра. Скажешь, что от меня — всё в лучшем виде устроит.

Прогостив у сестер Хуан, Хуанянь закупил хлопка, надежные бурдюки для воды и всякую мелочь. Впереди была долгая дорога, и он твердо решил сделать её максимально комфортной.

Обновки для поездки были уже готовы. Он рассудил, что сюцаю Юньсэ понадобятся наряды для приемов, и сшил ему еще одно платье — из ткани цвета Цанцзя-сэ, серо-зеленой, как туманные горы после дождя. Шитьё поручили Люхуа. Та расстаралась: на груди Юньсэ расцвел вышитый бамбук — символ стойкости и благородства. Темная зелень на туманном фоне придавала юноше вид по-настоящему возвышенный.

Для Хуаняня сшили длинную рубаху с широкими рукавами, украшенную вышивкой с нарциссами и бабочками. Наряды были из одной ткани, но разного кроя — вместе они смотрелись удивительно гармонично.

«Почти как парная одежда», — промелькнуло в голове Хуаняня, когда он смотрел на преобразившегося Юньсэ.

За работу Люхуа получила сто вэней — огромные деньги для неё. Она была счастлива: теперь, когда свекровь уехала, она могла сама распоряжаться своим заработком. Пока Люхуа шила,

Цзюцзю смастерила из лоскутов мягкие подушки для повозки, набив их хлопком. Соседи тоже не остались в стороне: кто яиц дал, кто овощей на дорогу.

— Юньсэ, удачи тебе! Мы верим, что ты всё сдашь! Наш Юньсэ — чудо-ребенок! Ему сюця взять — что за водой сходить!

Хуанянь всех благодарил и угощал гаолянъи. Злые языки он не слушал — победа Юньсэ станет лучшим ответом на все сплетни. Перед отъездом он раздал указания детям:

— За домом присматривайте, мула кормите. Биофермент в чане не забывайте помешивать. На ночь — к тётушке Цюянь, и ворота на засов.

Дело с гаолянъи он тоже наладил: наготовил крахмала и научил сестру рецепту. Теперь она будет поставлять товар Мэн Удуну.

— Сильно не усердствуй, — наказывал он ей. — Здоровье важнее денег.

Чуньшэн тоже вызвался помогать — парень за последнее время окреп и возмужал. Хоть к учебе он был не слишком ретив, зато в физической работе стал незаменим.

Накануне отъезда Хуанянь подбил итоги. После всех трат у него на руках было пятнадцать лиан серебра и пятьсот взней медью. На дом уже хватало.

«Вернемся — и затеем стройку», — решил он.

Настал день отъезда. Нанятая повозка прибыла в деревню. Простившись с предками и получив напутствия от соседей, Хуанянь и Ду Юньсэ отправились в путь — навстречу новой главе своей жизни в префектуре Сянпин. Глядя на проносящиеся за окном поля и деревни, юноша чувствовал, как в сердце растет предвкушение. Каким он окажется, этот город? И что ждет их там?

<http://bllate.org/book/15363/1373030>